

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.2>

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН-«МИШЕНЕЙ» КОСВЕННОЙ АГРЕССИИ

Научная статья

Кондрашихина О.А.^{1,*}, Пономаренко И.Л.², Кадышева Л.Б.³

¹ ORCID : 0000-0002-6582-0582;

² ORCID : 0000-0003-1448-5654;

³ ORCID : 0000-0002-0756-6088;

^{1,2,3} Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (okskon66[at]mail.ru)

Аннотация

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования эмоционально-личностной сферы женщин, являющихся «мишенью» косвенной агрессии, то есть имеющих опыт косвенно-агрессивного воздействия со стороны социума разной степени интенсивности. Результаты эмпирического исследования показали, что около трети обследованных женщин сталкиваются с такими формами косвенной агрессии со стороны других людей, как социальная изоляция, злой юмор, манипулирование чувством вины. Рассмотрены индивидуальные профили эмоционального неблагополучия выявленных мишеней косвенной агрессии, характеризующиеся тревогой, усталостью, подавленностью и беспомощностью. Отмечено, что женщины-«мишени» косвенно-агрессивного поведения, имеют более высокую напряженность гиперсоциальной виктимности, что обуславливает высокий риск вступления в абьюзивные брачные отношения и моббинга в их адрес в трудовом коллективе. Значимым ресурсом при построении психоконсультативной и психотерапевтической работы с такими женщинами выступает высокий уровень их вовлеченности в происходящее вокруг при условии актуализации рефлексии и критического мышления.

Ключевые слова: косвенная агрессия, социальная изоляция, чувство вины, виктимность, эмоциональные состояния.

EMOTIONAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF WOMEN – "TARGETS" OF INDIRECT AGGRESSION

Research article

Kondrashikhina O.A.^{1,*}, Ponomarenko I.L.², Kadysheva L.B.³

¹ ORCID : 0000-0002-6582-0582;

² ORCID : 0000-0003-1448-5654;

³ ORCID : 0000-0002-0756-6088;

^{1,2,3} Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

* Corresponding author (okskon66[at]mail.ru)

Abstract

The results of theoretical and empirical study of the emotional and personal sphere of women who are "targets" of indirect aggression, i.e. who have experience of indirect aggressive influence from society of different degrees of intensity, are presented. The results of the empirical study showed that about one third of the surveyed women experience such forms of indirect aggression from other people as social isolation, evil humour, and manipulation of guilt. The individual emotional well-being profiles of the identified targets of indirect aggression, characterized by anxiety, fatigue, depression and helplessness, have been considered. It is noted that women "targets" of indirect aggressive behaviour have higher tension of hypersocial victimhood, which causes a high risk of entering into abusive marital relationships and mobbing in their address in the labour collective. A significant resource in building psycho-counselling and psychotherapeutic work with such women is a high level of their involvement in what is happening around them, provided that reflection and critical thinking are actualized.

Keywords: indirect aggression, social isolation, guilt, victimhood, emotional states.

Введение

Проблема агрессии является актуальной в психологии уже не одно десятилетие. Целая плеяда известных отечественных и зарубежных ученых внесли свой вклад в понимание данного феномена, выделение отдельных видов и причин агрессии (А.Бандура, А. Басс, Л. Берковиц, А. В. Петровский, С. Розенцвейг, Т. Г. Румянцева, З. Фрейд и другие). Анализ публикаций eLibrary в период с 2018 по 2023 год показал наличие более 1000 работ (статей, тезисов, авторефератов диссертаций и пр.), посвященных проблеме агрессии. Однако в тематике указанных работ прослеживается определенная закономерность. Во-первых, большинство из них посвящены агрессивному поведению детей и подростков, то есть лиц, у которых агрессия чаще всего приобретает прямые, физические или вербальные виды и, с одной стороны, достаточно однозначна в плане диагностики, а с другой стороны, агрессорами здесь выступают лица, к агрессивному поведению которых в социуме достаточно снисходительное отношение (по крайней мере, пока поведение не причиняет серьезного ущерба другим людям). Считается, что их агрессивное поведение обусловлено возрастными особенностями (пубертат), недостаточным пока еще уровнем развития эмоциональной зрелости и саморегуляции, они открыты воспитательным воздействиям и, скорее всего, скоро их агрессивное поведение элиминируется. Соответственно, гораздо реже встречаются работы, касающиеся агрессивного поведения

взрослых, а работ, предоставляющих методологию изучения абьюза, токсичных отношений, моббинга явно недостаточно.

Во-вторых, анализ литературы показывает крайне незначительную часть исследований, посвященных недириктивной агрессии. Между тем, именно данный вид агрессивного поведения чаще встречается во взрослом возрасте, хотя и является зачастую завуалированным, подменяющим обыденную коммуникацию [6]. Хотя косвенная агрессия для жертвы (и, частично, для агрессора) имеет массу негативных и потенциально долгосрочных последствий, включая снижение самооценки, работоспособности, психосоматические реакции и заболевания, тревогу, депрессию и даже попытки самоубийства [3].

В современных научных источниках можно встретить различные дефиниции «косвенной агрессии» [2]. Обобщая их, можно сказать, что косвенная агрессия – это поведение, направленное на причинение вреда другим людям окольными путями. Косвенной агрессией является поведенческая стратегия, альтернативная прямой агрессии, возникающая в условиях, когда прямая реализация намерения причинить вред повлечет неприемлемые психологические издержки, основной из которых является принятие социально неодобряемой роли агрессора. Таким образом, реализуя косвенно-агрессивный поведенческий акт, агрессор не осознает или не признает психологический вред, причиняемый им жертве, и даже может считать жертвой себя. Это своего рода социальная манипуляция, при которой агрессор манипулирует другими людьми или социальной структурой, чтобы нанести психологический вред жертве без прямой конфронтации [13].

Примером косвенной агрессии является такое поведение, как сплетни за спиной, распространение слухов, социальная изоляция, клеветнические замечания, отношения с другими из мести, «жаление» других, нанесение ущерба социальному статусу жертвы, придумывание кодовых имен, злые розыгрыши, сарказм и др.

Тему косвенной (недириктивной) агрессии в отечественных исследованиях поднимали С. О. Кузнецова, С. Н. Ениколопов, А. А. Абрамова, А. Г. Ефремов, И. А. Фурманов, Г. И. Кустова и др. В исследованиях данных авторов, а также в работах зарубежных ученых описаны формы косвенной агрессии [9], культуральные различия [10], [11], половозрастная специфика [14], детерминанты [12].

Между тем, исследований опыта косвенной агрессии у студентов, будущих психологов, крайне недостаточно. В то же время не рефлексируемое специалистом помогающей профессии собственное косвенно-агрессивное поведение и неправильная оценка косвенной агрессии в свой адрес может служить предпосылкой ретравматизации клиента, быть преградой на пути создания доверительных отношений, сделать затруднительным процесс оказания психологической помощи.

Цель – выявить эмоционально-личностные особенности женщин, являющихся мишенью косвенной агрессии со стороны других лиц.

Выборка состояла из 97 женщин в возрасте от 19 до 42 лет, средний возраст 22,9, все испытуемые – обучающиеся Севастопольского государственного университета на психологических направлениях подготовки, не состоящие на момент исследования в зарегистрированных брачных отношениях. Все студенты принимали участие в исследовании добровольно, с подписанием листа информационного согласия.

Методы и принципы исследования

Психодиагностический комплекс составили: психометрическая шкала оценки косвенной агрессии (IAS) С. Форрест (перевод и адаптация С. О. Кузнецовой, А. А. Абрамовой и др. [4], [5]); методика «Самооценка эмоциональных состояний» А. Уэссмана и Д. Рикса (диагностирует выраженность эмоциональных состояний: спокойствие – тревожность, энергичность – усталость, приподнятость – подавленность, уверенность в себе – беспомощность); опросник «Склонность к виктимному поведению» О. Андронникова (диагностирует принадлежность личности к одному из типов виктимного поведения: агрессивному, гиперсоциальному, зависимому и беспомощному, некритичному, самоповреждающему и саморазрушающему) [1].

На начальном этапе исследования были сформированы две выборки женщин, имеющих опыт косвенно-агрессивного воздействия со стороны социума разной степени интенсивности. Для их выделения применялась соответствующая версия опросника С. Форрест. Психометрическая шкала оценки косвенной агрессии (IAS) включает в себя две независимые друг от друга версии: «агрессора» (IAS-A) и «жертвы» (IAS-T). Версия IAS-T предназначена для исследования представленности в опыте индивида случаев косвенной агрессии, направленной на него. Авторы лингвокультурной адаптации теста С. Форрест предлагают использовать словосочетание «жертва косвенной агрессии» [4], однако методика констатирует только наличие специфического опыта и не позволяет оценить глубину сопутствующих переживаний респондента и тяжесть последствий такого опыта, поэтому в большинстве случаев более пригодным, на наш взгляд, является понятие «мишень». Тем более, что в оригинальной версии Форреста этот вариант называется *target version*, что буквально переводится как версия для цели, мишени, объекта. Согласно цели исследования участникам для прохождения был предложен вариант IAS-T, который представлен двадцатью пятью утверждениями, характеризующими определенный стиль воздействия социума на индивида. Респондентам предлагается обозначить, насколько часто они сталкиваются с косвенно-агрессивным отношением окружающих людей. Примерами проявлений косвенной агрессии и, соответственно, пунктами опросника выступают: настраивание людей против общения, изолирование, прекращение общения; сокрытие нужной информации, умышленная постановка в неловкое положение, критика и высмеивание на публике, распространение негативных слухов, высмеивание внешнего вида и пародирование, манипуляция чувствами, попытки актуализировать чувство вины и пр. Предложенные варианты ответов оцениваются определенным количеством баллов: «никогда» – 1 балл, «1–2 раза» – 2 балла, «иногда» – 3 балла, «часто» – 4 балла, «регулярно» – 5 баллов. Минимально возможный балл по интегральной шкале равен 25, максимальный – 125. Опросник включает в себя четыре шкалы, а именно: интегральный показатель подверженности косвенной агрессии, а также три наиболее распространенных варианта ее проявления в повседневной жизни в виде трех шкал: социальная изоляция объекта, использование злого юмора, вменение чувства вины.

Средние значения и стандартное отклонение описаны отдельно для мужчин и для женщин С. О. Кузнецовой и А. А. Абрамовой [4]. Необходимо отметить, что данные нормы имеют серьезные кросскультурные различия (в исследовании канадских, испанских авторов средние показатели существенно отличаются [10], [11]).

Основные результаты

Анализ данных версии IAS-T показал, что в общей не специфицированной выборке (94 испытуемых) усредненные показатели по шкалам, представленные по форме $M_x \pm s$, при сопоставлении с данными авторов адаптации опросника укладываются в зону средних значений: социальная изоляция $22,25 \pm 8,42$; злонамеренный юмор $21,03 \pm 8,15$; вмененная вина $15,22 \pm 5,69$ (см. рис. 1).

Принимая во внимание разное количество вопросов в дифференциальных шкалах IAS-T, простое количественное сравнение между шкалами по уровню выраженности в баллах недостаточно информативно, поэтому на рисунке 1 распределения представлены с помощью диаграммы *boxplot* и описаны, исходя из стандартов, предложенных авторами методики для каждой шкалы в отдельности.

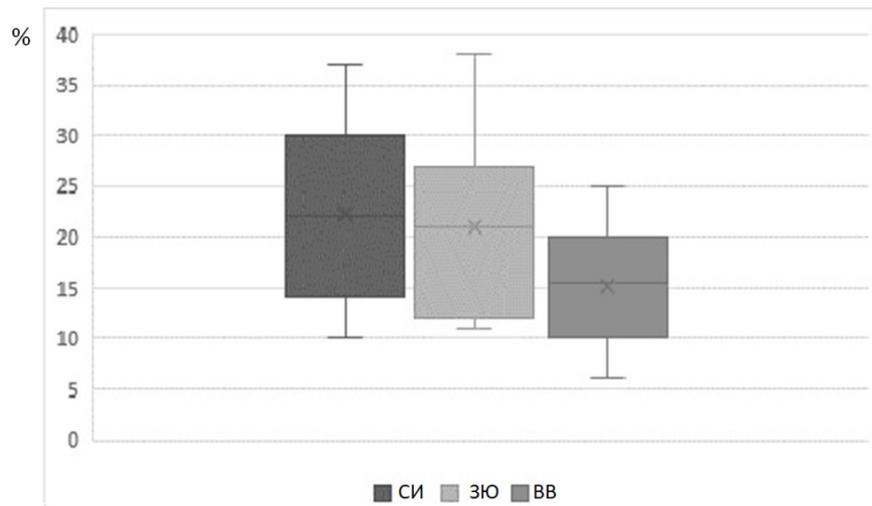

Рисунок 1 - Распределение показателей косвенно-агрессивного опыта по шкалам социальной изоляции (СИ), злонамеренного юмора (ЗЮ), вмененной вины (ВВ)
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.2.1>

Итак, по шкале социальной изоляции 32,0% обследованных женщин признаются выраженной мишенью этого типа косвенной агрессии, а именно, выступали в качестве объекта бойкотирования, буллинга, сталкивались в отношении себя по крайней мере в течение прошедшего года с клеветнической информацией, сплетнями и/или разглашением личной конфиденциальной информации. Почти такая же часть респондентов (29,8%) являются мишенью злонамеренного юмора, то есть, часто испытывают на себе сарказм, оскорбительные замечания, передразнивания, негативную оценку своей внешности со стороны других людей; а 27,7% ощутили давление, преследующее цель внушить им вину за неверные действия и/или халатное бездействие.

Из числа лиц, имеющих высокие показатели по всем трем шкалам теста С. Форрест, методом простого случайного отбора была специфицирована группа 1 в количестве 20 человек. Подчеркнем, что самооценочная шкала косвенной агрессии не определяет источник негативного опыта. Он может быть актуальным и полученным от фактического партнера в незарегистрированном браке, а также актуально переживаемым, но полученным от прежнего партнера; отражать профессиональную ситуацию или оставаться незакрытым детским гештальтом. Необходимо отметить, что отраженный объектом косвенной агрессии опыт не всегда маркируется как намерение партнера по общению причинить вред. Так, усилия абьюзера (источника агрессии, в том числе и косвенной) зачастую направлены на прикрытие истинного характера своих действий, и ему удается достичь эту цель, используя манипуляции. Например, псевдовопрос, который является формой речевой агрессии, легко «мимикрирует» под организацию кооперации: косвенно-агрессивное «Не всё ли равно теперь?» якобы подразумевает рациональное правило общения – «адекватно и своевременно реагируй на текущие события» [6].

В соответствии с вышеизложенным, актуальным представляется оценка респондентами, являющимися мишенями агрессии, своего текущего эмоционального состояния. Для того чтобы соотнести негативные отклонения в самооценке эмоциональной сферы с опытом косвенной агрессии, была специфицирована вторая (контрольная) группа в количестве 20 человек, имеющих низкие показатели по всем трем шкалам теста С. Форрест (версия Т, адаптация Кузнецовой С. О. и др.), также с применением метода случайного отбора.

Диагностика эмоциональных состояний респондентов осуществлялась с помощью самооценочной методики А. Уэссмана – Д. Рикса [7]. Процедура обследования предполагает оценку респондентами своего текущего состояния по 4 шкалам – разделам методики. Название каждой шкалы представляет собой бинарную оппозицию, первые три из них можно обобщенно назвать «энергетическими»: спокойствие – тревожность, энергичность – усталость, приподнятость – подавленность. Четвертая шкала отражает эмоционально-оценочный компонент установки на асертивное

поведение: уверенность в себе – беспомощность. По каждому разделу предлагается 10 вариантов оценки своего состояния. Чем ближе ответ к «благополучному» полюсу континуума, тем выше присуждаемый за ответ балл. Для интерпретации важен как интегральный показатель, так и показатели отдельных эмоциональных состояний. Низкий интегральный показатель интерпретируется как дезадаптация, тогда как крайне высокий показатель не может без контекста жизненной ситуации относиться к полюсу высокой адаптированности.

Статистический анализ самооценки эмоциональных состояний показал, что группа женщин, часто подвергавшихся косвенной агрессии (группа 1), превосходят вторую группу (женщины, подвергавшиеся косвенной агрессии редко) по обобщенному критерию негативной оценки настоящего эмоционального состояния. А именно, итоговые статистики для группы 1 составляют $16,4 \pm 4,39$ и для второй группы $29,5 \pm 5,39$ (различия достоверны, Q-критерий Розенбаума, $p < 0,01$). В процентном отношении 45% женщин первой группы оценивают своё эмоциональное состояние как неблагоприятное, все остальные имеют средние показатели оценки эмоционального состояния, что говорит о более-менее успешных попытках приспособления к трудным жизненным ситуациям. Во второй группе подавляющее большинство (85%) оценивают свое эмоциональное состояние как благополучное вплоть до состояния радостной ажиотации. Оставшиеся 15% демонстрируют средний уровень эмоционального благополучия. Таким образом, связь между опытом косвенной агрессии и актуальным эмоциональным состоянием прослеживается, опишем ее характер, исходя из распределения эмоционального благополучия по отдельным шкалам методики (см. рисунок 2).

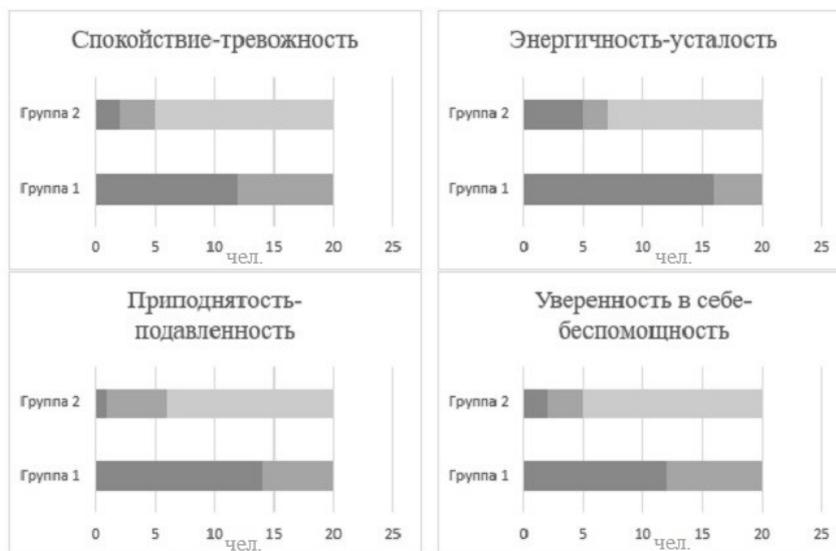

Рисунок 2 - Распределение самооценки эмоциональных состояний по отдельным критериям благополучия/неблагополучия

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.2.2>

Примечание: наиболее темным цветом обозначается доля респондентов, давших низкую оценку эмоциональному состоянию, диагностируется в соответствии с критерием: тревожность, усталость, подавленность, беспомощность; наиболее светлым цветом — доля респондентов, давших высокую оценку эмоциональному состоянию, диагностируется в соответствии с критерием: спокойствие, энергичность, приподнятость, уверенность в себе

Как мы можем видеть на рисунке 2, наибольшее влияние косвенная агрессия оказывает на такой аспект эмоциональной сферы личности как энергичность-усталость: 80% респондентов первой группы ощущают себя безынициативными, апатичными и вялыми; а реже всего (при сопоставлении результатов по шкалам между собой) мишени косвенной агрессии отмечают у себя тревожность, напряженность, боязливость, запуганность (60% респондентов первой группы), а ровно половина сигнализируют о собственной беспомощности в текущей жизненной ситуации. Возникает вопрос по поводу адекватности эмоциональной реакции на косвенную агрессию. Тревожность как ориентировочная реакция, возникающая в ответ на реальную опасность или неблагоприятие, является хорошим основанием для актуализации рефлексии и действий, организующих жизнь, тогда как апатия буквально означает бездействие и с малой степенью вероятности приведет к пересмотру межличностных партнерских и профессиональных отношений, ставящих субъекта в позицию мишени.

При построении индивидуальных профилей эмоционального неблагоприятия у испытуемых первой группы, которые показывают низкие результаты по трем шкалам из четырех, мы можем выделить две модели: «тревога-усталость-подавленность» и «усталость-подавленность-беспомощность». Полагаем, что статистическое подтверждение формирования такого типа моделей в ответ на косвенную агрессию в перспективе может лечь в основу рекомендаций по организации психологической помощи с учетом индивидуальных особенностей реакции на абьюз [8].

Статистически реже негативная оценка эмоционального состояния (по отдельной шкале) встречается во второй группе: от двух до пяти случаев из 20 (в зависимости от шкалы), то есть от 10 до 25%, что безусловно может быть связано с иными возможными источниками эмоционального неблагополучия, включая витальные, но также позволяет нам рассматривать косвенную агрессию как значимый источник негативных эмоциональных состояний.

Обсуждение

Итак, отраженный опыт косвенной агрессии с высокой вероятностью приводит к негативным эмоциональным состояниям. Архитектура эмоционального фона может определяться типичными для индивида механизмами усвоения косвенно-агрессивного опыта и значимостью для него фигуры агрессора. С точки зрения самоорганизации и формирования деятельной реакции более продуктивным является чувство беспокойства, тогда как апатия и чувство беспомощности обращают мишень косвенной агрессии в ее жертву. Кристаллизация эмоционального опыта жертвы возможна в форме личностных особенностей, известных как виктимность.

Тест «Склонность к виктимному поведению» О. Андронниковой [1] позволяет не только определить интенсивность виктимного поведения, но и выделить его форму, типичную для респондента. Как показал первичный анализ результатов тестирования суммарно по обеим группам исследования диагностируется 8 виктимных испытуемых, семеро из которых (35% от численности своей группы) относятся к первой группе (женщины-мишени косвенной агрессии), и 1 человек (5%) – ко второй. При этом у каждого респондента тип виктимности диагностируется только по одной шкале, по прочим типам виктимности показатели не превышают пороговых значений.

Таким образом, мы можем говорить о типе виктимности, характерном для женщин-мишеней косвенной агрессии. А именно, шесть из 7 виктимных испытуемых первой группы относятся к «инициативному» типу, этот признак в группе в целом имеет умеренную вариативность (31%) и находится в диапазоне $6 \pm 1,9$ ($M_x \pm s$). Гиперсоциальные (инициативные) виктимы без оглядки вовлекаются в конфликт, всегда на стороне слабых и притесняемых, не оценивая перспективности и полезности вмешательства, рискуя здоровьем и даже жизнью. Соотнося эту личностную особенность с опытом мишени косвенной агрессии, мы видим стремление предотвратить страдания других, с которыми с большой вероятностью они идентифицируют себя. Мы говорим именно про стремление (готовность, установку), потому что по критерию реализованной виктимности рассматриваемая категория респондентов имеет показатели, не превышающие низкий уровень, то есть, испытуемые нечасто попадают в критические ситуации, при этом уровень напряжения от нереализованного стремления растет и повышает риск соответствующего поведения.

В контрольной (второй) группе показатели по гиперсоциальной шкале ниже ($4 \pm 1,6$) и представлены более вариативно (39%), исходя из чего обсуждаемый признак является типичным только для первой группы исследования. Интересным с точки зрения практической значимости исследования является сравнение групп по частоте встречаемости низких значений гиперсоциальной виктимности (1–3 балла). В тесте О. Андронниковой [1] это, пожалуй, единственная шкала, малые показатели по которой негативно характеризуют испытуемого. Низкая вовлеченность респондента в событийный круг описывается автором, как равнодушие («моя хата с краю»), и соотносится с обидой и отсутствием чувства причастности к происходящему. Статистически вторая группа превосходит первую по частоте встречаемости таких случаев ($\varphi_{эм} = 1,926$; $p < 0,05$).

Таким образом, женщины-мишени косвенно-агрессивного поведения имеют более высокую напряженность гиперсоциальной виктимности и в этом заключается высокий риск вступления в абьюзивные отношения, в том числе и брачные, однако они сохраняют высокий уровень вовлеченности в происходящее вокруг, не равнодушны и готовы помочь. Им необходимо распространить этот опыт участливой включенности на себя как на часть того мира, до которого им всё же, в сравнении с более благополучными респондентами, есть дело.

Заключение

Результаты эмпирического исследования показали, что около трети обследованных женщин сталкиваются с такими формами косвенной агрессии со стороны других людей, как социальная изоляция, злой юмор, манипулирование чувством вины. Женщины, часто подвергавшиеся косвенной агрессии, превосходят группу женщин, редко подвергавшихся данному типу агрессии, по обобщенному критерию негативной оценки актуального эмоционального состояния. Этот факт позволяет их рассматривать не только как «мишеней», но и как «жертв» косвенной агрессии, так как агрессивное поведение окружающих актуализирует у данных женщин негативные эмоциональные состояния, прежде всего, чувства усталости и беспомощности.

Кристаллизация эмоционального опыта «жертвы» осуществляется в форме развития такой личностной особенности, как виктимность: женщины-«мишени» косвенно-агрессивного поведения имеют более высокую напряженность гиперсоциальной виктимности и в этом заключается высокий риск в дальнейшем вступления в абьюзивные отношения, в том числе и брачные. Однако данные женщины сохраняют высокий уровень вовлеченности в происходящее вокруг, не равнодушны и готовы помочь, что может выступать значимым ресурсом при профессионально грамотном построении психоконсультативной и психотерапевтической работы с ними.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Андронникова О. О. Тест склонности к виктимному поведению / О. О. Андронникова // Развитие гуманитарного образования в Сибири. — Новосибирск : НГИ, 2004. — Вып. 9. — Ч. 1. — С. 11–25.
2. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. — СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. — 512 с.
3. Дмитриева Д. Я. Кросскультурное исследование эмоциональных переживаний женщин в семьях с различной степенью психологического насилия в супружеских отношениях / Д. Я. Дмитриева // Вестник БДУ. Серия 3. История. Философия. Психология. Политология. Социология. Экономика. Право. — 2008. — № 3. — С. 50–53.
4. Кузнецова С. О. Психологические особенности исследования косвенной агрессии / С. О. Кузнецова, С. Н. Ениколопов, А. А. Абрамова и др. // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2015. — Т. 8. — № 2. — С. 6–17.
5. Кузнецова С. О. Описание апробации психометрической шкалы оценки косвенной агрессии / С. О. Кузнецова, А. А. Абрамова, С. Н. Ениколопов и др. // Академический журнал Западной Сибири. Психиатрия. Психология. Неврология. — 2013. — Т. 9. — №3 (46). — С. 57.
6. Кустова Г. И. Косвенный речевой акт вопроса как средство речевой агрессии и негативной оценки в русской разговорной речи / Г. И. Кустова // Вопросы культуры речи. — 2011. — Т. 10. — С. 229–235.
7. Сонин В. А. Методика самооценки эмоциональных состояний (А. Уэссман и Д. Рикс) / В. А. Сонин // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. — СПб. — 2004. — С. 94–96.
8. Саиева Л. М. Психология семейных отношений. Супружеские конфликты / Л. М. Саиева // Мировая наука. — 2019. — № 5(26). — С. 602–606.
9. Archer J. An Integrated Review of Indirect, Relational, and Social Aggression / J. Archer, S. M. Coyne // Personality and Social Psychology Review. — 2005. — Vol. 9. — № 3. — P. 212–230.
10. L. Hurd. Sex Differences in the Use of Indirect Aggression in Adult Canadians Gail Moroschan / L. Hurd, E. Nicoladis // Psychology Department, University of Alberta, Edmonton, Canada. — 2009. — № 7(2). — P. 146–159.
11. Anguiano-Carrasco C. Assessing indirect aggression in aggressors and targets: Spanish adaptation of the Indirect Aggression Scales / C. Anguiano-Carrasco, A. Vigil-Colet // Psicothema. — 2011. — № 23(1). — P. 146–152.
12. Meter D. J. Relations between Parent Psychological Control and Parent and Adolescent Social Aggression / D. J. Meter, S. E. Ehrenreich, M. K. Underwood // J Child Fam Stud. — 2019. — № 28(1). — P. 140–151. DOI: 10.1007/s10826-018-1240-z
13. Forrest S. Measuring adult indirect aggression: The development and psychometric assessment of the indirect aggression scales / S. Forrest, V. Eatough, M. Shevlin // In: Aggressive Behavior. — 2005. — Vol. 31. — № 1. — P. 84–97. DOI: 10.1002/ab.20074
14. Vaillancourt T. An Evolutionary Psychological Perspective of Indirect Aggression in Girls and Women / T. Vaillancourt, J. A. Krems // The Development of Relational Aggression. — New York. — 2018. DOI: 10.1093/oso/9780190491826.003.0008

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andronnikova O. O. Test sklonnosti k viktinnomu povedeniju [Test of propensity to victim behavior] / O. O. Andronnikova // Razvitie gumanitarnogo obrazovanija v Sibiri [Development of humanitarian education in Siberia]. — Novosibirsk : NGI, 2004. — Issue 9. — Part 1. — P. 11–25. [in Russian]
2. Berkowitz L. Agressija: prichiny, posledstviya i kontrol' [Aggression: causes, consequences and control] / L. Berkowitz. — St. Petersburg : Prime-EUROZNAK, 2001. — 512 p. [in Russian]
3. Dmitrieva D. Ya. Krosskul'turnoe issledovanie jemocional'nyh perezhivaniy zhenshin v sem'jah s razlichnoj stepen'ju psihologicheskogo nasilija v supruzheskih otnošenijah [Cross-cultural study of emotional experiences of women in families with varying degrees of psychological violence in marital relations] / D. Ya. Dmitrieva // Vestnik BDU. Serija 3. Istorija. Filosofija. Psihologija. Politologija. Sociologija. Jekonomika. Pravo [The source of the database. Episode 3. History. Philosophy. Psychology. Political science. Sociology. Economy. Right]. — 2008. — № 3. — P. 50–53. [in Russian]
4. Kuznetsova S. O. Psihologicheskie osobennosti issledovanija kosvennoj agressii [Psychological features of indirect aggression research] / S. O. Kuznetsova, S. N. Enikolopov, A. A. Abramova et al. // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija [Theoretical and experimental psychology]. — 2015. — Vol. 8. — № 2. — P. 6–17. [in Russian]
5. Kuznetsova S. O. Opisanie aprobacii psihometricheskoj shkaly ocenki kosvennoj agressii [Description of the approbation of the psychometric scale for assessing indirect aggression] / S. O. Kuznetsova, A. A. Abramova, S. N. Enikolopov et al. // Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri. Psihiatrija. Psihologija. Nevrologija [Academic Journal of Western Siberia. Psychiatry. Psychology. Neurology]. — 2013. — Vol. 9. — №3 (46). — P. 57. [in Russian]
6. Kustova G. I. Kosvennyj rechevoj akt voprosa kak sredstvo rechevoj agressii i negativnoj ocenki v russkoj razgovornoj rechi [Indirect speech act of a question as a means of verbal aggression and negative assessment in Russian colloquial speech] / G. I. Kustova // Voprosy kul'tury rechi [Issues of speech culture]. — 2011. — Vol. 10. — P. 229–235. [in Russian]
7. Sonin V. A. Metodika samoocenki jemocional'nyh sostojanij (A. Ujessman i D. Riks) [Methodology of self-assessment of emotional states (A. Wessman and D. Rix)] / V. A. Sonin // Psihodiagnosticheskoe poznanie professional'noj dejatel'nosti [Psychodiagnostic cognition of professional activity]. — St. Petersburg, 2004. — P. 94–96. [in Russian]
8. Salieva L. M. Psihologija semejnyh otnošenij. Supruzheskie konflikty [Psychology of family relations. Marital conflicts] / L. M. Saieva // Mirovaja nauka [World Science]. — 2019. — № 5(26). — P. 602–606. [in Russian]
9. Archer J. An Integrated Review of Indirect, Relational, and Social Aggression / J. Archer, S. M. Coyne // Personality and Social Psychology Review. — 2005. — Vol. 9. — № 3. — P. 212–230.

10. L. Hurd. Sex Differences in the Use of Indirect Aggression in Adult Canadians Gail Moroschan / L. Hurd, E. Nicoladis // Psychology Department, University of Alberta, Edmonton, Canada. — 2009. — № 7(2). — P. 146–159.
11. Anguiano-Carrasco C. Assessing indirect aggression in aggressors and targets: Spanish adaptation of the Indirect Aggression Scales / C. Anguiano-Carrasco, A. Vigil-Colet // *Psicothema*. — 2011. — № 23(1). — P. 146–152.
12. Meter D. J. Relations between Parent Psychological Control and Parent and Adolescent Social Aggression / D. J. Meter, S. E. Ehrenreich, M. K. Underwood // *J Child Fam Stud*. — 2019. — № 28(1). — P. 140–151. DOI: 10.1007/s10826-018-1240-z
13. Forrest S. Measuring adult indirect aggression: The development and psychometric assessment of the indirect aggression scales / S. Forrest, V. Eatough, M. Shevlin // In: *Aggressive Behavior*. — 2005. — Vol. 31. — № 1. — P. 84–97. DOI: 10.1002/ab.20074
14. Vaillancourt T. An Evolutionary Psychological Perspective of Indirect Aggression in Girls and Women / T. Vaillancourt, J. A. Krems // *The Development of Relational Aggression*. — New York. — 2018. DOI: 10.1093/oso/9780190491826.003.0008